

А.Б. Шлуинский

**Акциональность и аспектуальный показатель:
конструкция со вспомогательным глаголом *il-*
в чувашском языке¹**

**1. Акциональный класс глагола, «собственно вид»
и прочие аспектуальные категории**

В современной аспектологии можно считать устоявшимся противопоставление между «собственно видом» (аспектом) и способом действия (используются также термины² «Aktionsart», «акциональный/аспектуальный тип/класс предиката», «глагольный класс» [Vendler, 1957], «семантический тип предиката» [Булыгина, 1982], «тип ситуации» [Smith, 1991], «таксономическая категория глагола» по [Падучева, 1996] и т. д.). Семантика видовой формы некоторой конкретной глагольной лексемы является результатом взаимодействия двух семантических компонентов: аспектуальной семантики видовой формы и семантики акционального класса (способа действия), к которому данная лексема относится. Американская исследовательница К. Смит предлагает для своей аспектуальной теории, построенной исходя из этого положения, удачный термин «двуихкомпонентная теория вида» [Smith, 1991/1997] (см. также [Смит, 1998]). В настоящее время этот термин все чаще используется расширительно, т.е. применительно ко всякой аспектуальной теории, противопоставляющей вид (аспект) и способ действия (акциональный класс) начиная с работы [Agrell, 1908] и классических работ Ю.С. Маслова (прежде всего [Маслов, 1948; Маслов, 1959]). При этом под «собственно видом» (аспектом) понимается, как правило, противопоставление перфективы (совершенного вида) и имперфективы (несовершенного вида); если «перфективив рассматривает ситуацию извне, не обязательно различая ее внутреннюю структуру», то «имперфективив рассматривает ситуацию изнутри»³ [Comrie, 1976: 4].

Однако помимо «собственно вида» в языках мира существуют разнообразные прочие аспектуальные категории, такие, как хабитуалис, результатив, аттенуатив и т.п.; их круг очерчен, например, в [Плунгян, 1997] (см. также [Маслов, 1978]). Эти категории, с одной стороны, независимы от категории «собственно вида» и имеют иные семантические основания, а с другой стороны, имеют grammatical character и не относятся к сфере лексикического акционального значения, образуя тем самым «третий компонент» аспектуальной теории. Если модификация семантики «собственно вида» в зависимости от акционального класса глагола исследуется

в настоящее время сравнительно широко, то взаимодействие прочих аспектуальных категорий с акциональными свойствами глагольной лексемы практически не изучено; можно упомянуть пионерские работы [Wood, Garrett, 2002; Yu, 2003], в которых на материале языка юрок и чеченского языка соответственно исследуется взаимодействие акциональных свойств глагола с семантикой показателей «глагольной множественности». Цель настоящей работы состоит в том, чтобы продолжить заполнение этой лакуны. В разделе 2 мы проследим взаимодействие акционального класса глагольной лексемы со значением чувашского аттенуативного аспектуального показателя, выраженного вспомогательным глаголом *il-*, и покажем, что частные интерпретации рассматриваемой конструкции можно предсказать исходя из акционального класса глагольной лексемы.

Акциональная классификация глаголов изучалась в течение длительного времени преимущественно на материале узкого круга европейских языков. Часто в явном и неявном виде при этом подразумевалось, что, поскольку речь идет об основополагающих свойствах описываемых глаголами ситуаций, эта классификация имеет универсальный, не зависящий от конкретного языкового материала характер. Однако, как показано сравнительно недавно в [Smith, 1996; Johanson, 1999; Tatevosov, 2002], распределение глагольных лексем по акциональным классам и сам набор акциональных классов не универсальны, а варьируют от языка к языку. Из этого следует, что для работы с аспектуальными категориями некоторого языка требуется предварительное выделение глагольных акциональных классов этого языка по специальной стандартной методике. Такая методика была предложена С.Г. Татевосовым [Tatevosov, 2002; Татевосов, 2002]. Каждая глагольная лексема из некоторой репрезентативной выборки комбинируется с каждой из двух граммем «собственно вида». Используются основная перфективная (в терминах [Dahl, 1985], это может быть одна из типологически устойчивых граммем «past» или «perfective») и основная имперфективная форма (по [Dahl, 1985], одна из типологически устойчивых граммем «present», «imperfective», «progressive») глагола в данном языке; у имперфективной формы рассматривается только ее актуально-длительное значение⁴. Каждой такой комбинации в зависимости от ее толкования приписывается одно или более из пяти возможных акциональных значений⁵.

- **Состояние <С>** (ситуация не претерпевает изменений);
- **Процесс <П>** (ситуация претерпевает изменения и требует притока энергии);
- **Вхождение в состояние <ВС>** (ситуация достигает естественного предела⁶ и завершается наступлением состояния);
- **Вхождение в процесс <ВП>** (ситуация достигает естественного предела и завершается наступлением процесса);

- **Мультиликативный процесс <МП>** (ситуация многократно повторяется, но рассматривается как единое целое).

Акциональный класс глагольной лексемы определяется комбинацией ее акциональных значений в перфективной и имперфективной формах. Например, к классу стативных глаголов относятся глаголы, имеющие значение Состояния как в имперфективной, так и в перфективной форме <С; С>; к классу инцептивно-стативных глаголов — глаголы, имеющие в имперфективной форме значение Состояния, а в перфективной форме — значение Вхождения в состояние <С; ВС>; к классу пунктивных глаголов — глаголы, в имперфективной форме вообще лишенные актуально-длительного значения, а в перфективной форме имеющие значение Вхождения в состояние <-; ВС>. Среди акциональных классов некоторого языка с известной долей условности можно выделить основные акциональные классы, в которые входит значительное число глаголов, и «малые» классы, оставшиеся без рассмотрения в настоящем исследовании.

При выделении акциональных классов чувашского языка в качестве основной перфективной глагольной формы был выбран Претерит⁷ на -r-/ -c-, а в качестве основной имперфективной формы — Презенс (Настоящее время)⁸. Мы рассмотрели семантическое взаимодействие интересующего нас аспектуального показателя с десятью основными акциональными классами, которые будут детально охарактеризованы ниже. Это классы сильных и слабых предельных глаголов (последний класс отчетливо разделяется на два подкласса), класс пунктивных глаголов, классы сильных и слабых инцептивно-стативных глаголов, класс, условно обозначенный как «глаголы положения», класс слабых ингрессивно-непредельных глаголов, классы стативных и непредельных динамических глаголов и класс мультиликативно-семельфактивных глаголов.

2. Аттенуативные конструкции со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке

Как известно, в тюркских языках распространено выражение различных аспектуальных значений при помощи так называемых «бивербалных конструкций» [Насилов, 1989: 12], «аналитических форм глагольного вида» [Харитонов, 1960: 45; Юлдашев, 1965: 39], «описательных форм глагола» [Резюков, 1959: 142]. Речь идет о конструкциях, состоящих из деепричастной формы смыслового глагола и вспомогательного глагола, имеющего полную парадигму. Такие конструкции являются частным случаем «сериализованных конструкций» (или «сериализации предикатов») в широком понимании⁹ [Durie, 1997], т.е. конструкции, в которых две

глагольные лексемы в сочетании друг с другом описывают одну ситуацию и занимают одну синтаксическую позицию (вместе являются синтаксической вершиной одной предикатии). При этом, как правило, одна из этих лексем в данной конструкции является семантически полноценной, а другая утрачивает свое исходное лексическое значение; таким образом, продуктивные сериализованные конструкции близки к аналитическим глагольным формам (с диахронической точки зрения аналитические глагольные формы могут быть результатом их грамматикализации). В сериализованных конструкциях в чувашском языке используется в основном деепричастная форма на -sa/-se («соединительное» деепричастие по [Резюков, 1959]). В качестве вспомогательного элемента этих конструкций могут выступать около 30 глаголов, однако они имеют разную степень грамматикализации, и сферы их употребления крайне неравномерны.

Рассматриваемые нами конструкции со вспомогательным глаголом *il-* (этимологически ‘брать’) в низовом диалекте чувашского языка наиболее продуктивны и практически не имеют лексических ограничений.

В тюркских языках существует два типа конструкций со вспомогательным глаголом *al-/il-*. Первый тип — это конструкции со значением рефлексивного бенефактива (‘сделать что-либо для себя’). В чувашском языке такое значение у вспомогательного глагола *il-* лексикализовано (ср., однако, (1)), но в тех случаях, когда оно представлено, основные значения, о которых пойдет речь ниже, невозможны. Глаголы, образующие со вспомогательным глаголом *il-* конструкции с таким значением, как в (1), были исключены из рассмотрения.

- (1) *arsıh ača kanra-na tit-sa il-č-ě.*
мужчина ребенок веревка-DA хватать-CONV брать-PST-3¹⁰
Мальчик отобрал (у девочки) веревку.

Второй тип, основной для чувашского языка [Резюков, 1959: 143; Материалы, 1957: 179], образует аттенуативные конструкции, значение которых в литературе характеризуется как «кратковременность действия» [Харитонов, 1960], «исчерпанность частичного проявления действия» [Юлдашев, 1965: 84], «лимитатив» [Кулакова, 2002]. Собранный нами материал показывает, что аттенуативные конструкции со вспомогательным глаголом *il-* имеют в низовом диалекте чувашского языка три возможные интерпретации.

1. Делимитатив (лимитатив) (<ЛИМ>) — «“порция” действия, оцениваемая как небольшая и ограниченная временем, в течение которого оно производится» [Зализняк, Шмелев, 2000: 111], или перфектив, для семантики которого «главным является наличие временных границ ситуации» [Плунгян, 1998: 379]:

- (2) pētēr jurla-sa il-č-ě.
 Петр петь-CONV брать-PST-3
 Петр немного попел.

2. Отмененный результат (<ОТМ РЕЗ>) — имеющее временные границы, недолгое результирующее состояние, которое «наступило, но после этого было прекращено, и тем самым эффект достижения результата был сведен на нет» [Плунгян, 2001: 69]:

- (3) šjuta sün-se il-č-ě.
 свет гаснуть-CONV брать-PST-3
 Свет погас и снова загорелся.

3. Семельфактив (<СЕМ>) — «один из квантов действия, входящих в серию» [Храковский, 1998: 488]:

- (4) šiv tumla-sa il-č-ě.
 вода капать-CONV брать-PST-3
 Вода (один раз) капнула.

Далее мы покажем, как эти интерпретации коррелируют с акциональным классом глагола.

3. Акциональные классы чувашских глаголов и значение конструкции с *il-*

Сильные предельные глаголы <П; ВС>¹¹

Класс сильных предельных глаголов характеризуется акциональным значением Процесса в Презенсе (5а) и акциональным значением Вхождения в состояние в Претерите (5б); имеется в виду состояние, наступающее после того как процесс, обозначаемый глаголом в Презенсе, достигает своего естественного предела. Непредельное акциональное значение Процесса в Претерите невозможно: в частности, (5б) не допускает значения деятельности, не завершающейся наступлением нового состояния:

- (5а) pētēr tavrāna-t̄.
 Петр возвращаться-PRES.3SG
 Петр возвращается.

- (5б) pētēr tavrān-č-ě.
 Петр возвращаться-PST-3
 Петр вернулся/*(в течение некоторого времени) возвращался¹².

Аттенуативная конструкция в сочетании с сильными предельными глаголами имеет значение отмененного результата. Состояние, наступившее после достижения ситуацией естественного предела, продолжается некоторое время и после этого прекращается:

- (6) pētēr tavrān-sa il-č-ě.
 Петр возвращаться-CONV брать-PST-3
 Петр вернулся и снова ушел.

Слабые предельные глаголы <П; ВС, П>

Слабые предельные глаголы характеризуются акциональным значением Процесса в Презенсе (7а) и наличием двух акциональных значений в Претерите; это предельное значение Вхождения в состояние (7б) и непредельное значение Процесса (7в):

- (7а) ivan xalē kile-t̄.
 Иван сейчас приходить-PRES.3SG
 Иван сейчас подходит [=приходит].
- (7б) ivan kil-č-ě.
 Иван приходить-PST-3
 Иван пришел.
- (7в) ivan ike minut kil-č-ě.
 Иван два минута приходить-PST-3
 Иван шел [=приходил] две минуты.

Класс слабых предельных глаголов естественно распадается в чувашском языке на два подкласса. У одного подкласса, к которому, в частности, относится глагол *kil-* ‘приходить’, представленный в (7), предельное значение Вхождения в состояние в Претерите является основным, а непредельное, как в (7в), возникает в соответствующем контексте (например, за счет обстоятельства типа ‘две минуты’). Другой подкласс, напротив, в качестве основного акционального значения Претерита предполагает непредельное значение Процесса (8б), а для предельного значения Вхождения в состояние нужен специальный контекст (8в):

- (8а) xeg kofta-na šixa-t̄.
 девушка кофта-DA вязать-PRES.3SG
 Девушка вяжет кофту.
- (8б) xeg kofta-na šix-t̄-ě.
 девушка кофта-DA вязать-PST-3
 Девушка (некоторое время) связала кофту.
- (8в) xeg kofta-na ike sexet^j xušinče šix-t̄-ě.
 девушка кофта-DA два час за вязать-PST-3
 Девушка за два часа связала кофту.

Слабые предельные глаголы, имеющие в качестве основного значения Претерита Вхождение в состояние, дают, как и сильные предельные глаголы, при сочетании со вспомогательным глаголом *il-* значение отмененного результата (9). Со слабыми предельными глаголами, у которых основным акциональным значением Претерита является Процесс, конструкция с *il-* имеет лимитативное значение (10):

- (9) ivan kil-se il-č-ě.
 Иван приходить-CONV брать-PST-3
 Иван пришел и снова ушел.

- (10) xeg kofta-na šix-sa il-č-ě.
 девушка кофта-DA вязать-CONV брать-PST-3
Девушка немного повязала кофту.

Пунктивные глаголы <-; BC>

Основная акциональная характеристика пунктивных глаголов заключается в том, что их Презенс не имеет актуально-длительного значения, т.е. не может описывать единичную ситуацию, совершающуюся в момент речи (11a); Презенс таких глаголов допускается только в хабитуальном значении (11b). Претерит пунктивных глаголов имеет единственное акциональное значение Вхождения в состояние (11b):

- (11a) *ača xalē šjuxala-t^j.
 ребенок сейчас теряться-PRES.3SG
 (11b) ača jalanax šjuxala-t^j.
 ребенок всегда теряться-PRES.3SG
Ребенок всегда теряется.
 (11b) ača šjuxal-č-ě.
 ребенок теряться-PST-3
Ребенок потерялся.

Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в сочетании с пунктивными глаголами имеет значение отмененного результата:

- (12) ača šjuxal-sa il-č-ě.
 ребенок теряться-CONV брать-PST-3
Ребенок потерялся и нашелся.

Сильные инцептивно-стативные глаголы <C; BC>

Акциональный класс сильных инцептивно-стативных глаголов характеризуется значением Состояния в Презенсе (13a) и предельным значением Вхождения в то же самое состояние в Претерите (13b); непредельное значение Состояния для Претерита глаголов этого класса недопустимо:

- (13a) ača pravila-na ānlana-t^j.
 ребенок правило-DA понимать-PRES.3SG
Ребенок понимает правило.
 (13b) ača pravila-na ānlan-č-ě.
 ребенок правило-DA понимать-PST-3
Ребенок понял правило/ некоторое время понимал правило.*

Сильные инцептивно-стативные глаголы дают при сочетании со вспомогательным глаголом *il-* значение лимитатива:

- (14) ača pravila-na ānlan-sa il-č-ě.
 ребенок правило-DA понимать-CONV брать-PST-3
Ребенок некоторое время понимал [= немного попонимал] правило.

Слабые инцептивно-стативные глаголы <C; BC, C>

Слабые инцептивно-стативные глаголы отличаются от сильных наличием в Претерите помимо предельного значения Вхождения в состояние (156.1) непредельного значения самого Состояния (156.2). Презенс таких глаголов описывает Состояние (15a):

- (15a) ivan čirle-t^j.
 Иван болеть-PRES.3SG
Иван болеет.
 (15b) ivan čirle-r-ě.
 Иван болеть-PST-3
 1. *Иван заболел.*
 2. *Иван некоторое время поболел.*

Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* имеет с такими глаголами значение лимитатива:

- (16) ivan čirle-se il-č-ě.
 Иван болеть-CONV брать-PST-3
Иван немного поболел.

«Глаголы положения» <Π, С; BC, C>

Акциональный класс, условно названный классом «глаголов положения», имеет по два акциональных значения и в Презенсе, и в Претерите. В Презенсе эти глаголы описывают как Состояние (17a.1), так и Процесс, ведущий к наступлению этого Состояния (17a.2). В Претерите «глаголы положения» имеют как непредельное значение Состояния (17b.1), так и предельное значение Вхождения в это состояние (17b.2):

- (17a) pētēr virta-t^j.
 Петр лежать-PRES.3SG
 1. *Петр лежит.*
 2. *Петр ложится.*

- (17b) pētēr virt-r-ě.
 Петр лежать-PST-3
 1. *Петр некоторое время полежал.*
 2. *Петр лег.*

«Глаголы положения» при сочетании со вспомогательным глаголом *il-* дают лимитативное значение:

- (18) pētēr virt-sa il-č-ě.
 Петр лежать-CONV брать-PST-3
Петр немного полежал.

(Слабые) ингрессивно-непредельные глаголы <П; ВП, П>

Класс (слабых)¹³ ингрессивно-непредельных глаголов имеет в Презенсе акциональное значение Процесса (19а), а в Претерите — как акциональное значение Процесса (19б.1), так и Вхождения в этот процесс (19б.2):

- (19а) šiv věrč-t̪.
вода кипеть-PRES.3SG
Вода кипит.

- (19б) šiv věrč-r-č.
вода кипеть-PST-3
1. *Вода некоторое время покипела.*
2. *Вода закипела.*

Конструкция с *il-* имеет с ингрессивно-непредельными глаголами значение лимитатива:

- (20) šiv věrč-se ilč-ě.
вода кипеть-CONV брать-PST-3
Вода немного покипела.

Стативные глаголы <С; С>

Стативные глаголы отличаются от слабых инцептивно-стативных тем, что имеют в Претерите только непредельное значение Состояния (21б), а значение Вхождения в состояние для них недопустимо. В Презенсе стативные глаголы также имеют акциональное значение Состояния (21а):

- (21а) ivan šívāra-t̪.
Иван спать-PRES.3SG
Иван спит.

- (21б) ivan šívär-č-ě.
Иван спать-PST-3
*Иван некоторое время поспал/*заснул.*

Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* имеет со стативными глаголами значение лимитатива:

- (22) ivan šívär-sa ilč-ě.
Иван спать-CONV брать-PST-3
Иван немного поспал.

Непредельные динамические глаголы <П; П>

Непредельные динамические глаголы противопоставлены ингрессивно-непредельным отсутствием в Претерите предельного значения Вхождения в процесс, а слабым предельным глаголам — отсутствием предельного значения Вхождения в состояние. И в

Презенсе, и в Претерите эти глаголы имеют единственное акциональное значение Процесса:

- (23а) kupästa šere-t̪.
капуста гнить-PRES.3SG
Капуста гниет.

- (23б) kupästa šer-č-e.
капуста гнить-PST-3
*Капуста некоторое время погнила/*сгнила/*загнила.*

Непредельные динамические глаголы дают при сочетании со вспомогательным глаголом *il-* лимитативное значение:

- (24) kupästa šer-se ilč-ě.
капуста гнить-CONV брать-PST-3
Капуста немного погнила.

Мультиплактивно-семельфактивные глаголы <МП; ВС, МП>

Глаголы мультиплактивно-семельфактивного класса имеют в Презенсе акциональное значение Мультиплактивного процесса (25а), а в Претерите описывают как Мультиплактивный процесс (25б.1), так и единственный «квант» этого Мультиплактивного процесса (25б.2), являющийся частным случаем акционального значения Вхождения в состояние:

- (25а) ivan avtamat-ran pere-t̪.
Иван автомат-ABL стрелять-PRES.3SG
Иван стреляет из автомата.

- (25б) ivan avtamat-ran per-č-ě.
Иван автомат-ABL стрелять-PST-3
1. *Иван некоторое время пострелял из автомата.*
2. *Иван (один раз) выстрелил из автомата.*

Конструкция со вспомогательным глаголом *il-* имеет с глаголами рассматриваемого класса как значение лимитатива (26.1), так и значение семельфактива (26.2):

- (26) ivan avtamat-ran per-se ilč-ě.
Иван автомат-ABL стрелять-CONV брать-PST-3
1. *Иван один раз выстрелил из автомата.*
2. *Иван немного пострелял из автомата.*

4. Принципы взаимодействия с акциональным классом и семантика конструкции с *il-*

Мы рассмотрели основные акциональные классы глаголов чувашского языка и то, как с ними коррелируют значения аттенуативной конструкции со вспомогательным глаголом *il-*. Оказалось, что акциональные свойства глагольной лексемы полностью

предопределяют конкретное значение этого аспектуального показателя. То, как значение конструкции с *il*- зависит от акционального класса глагола, показано в таблице.

Распределение значений конструкции с *il*- по акциональным классам глаголов

Акциональный класс	Акциональные значения: <Презенс; Претерит>	Значение конструкции с <i>il</i> -
Сильные предельные	<П; ВС>	<ОТМ РЕЗ>
Слабые предельные	<П; ВС, П>	<ОТМ РЕЗ> с осн. знач. <ВС> с осн. знач. <П>
Пунктивные	<-; ВС>	<ОТМ РЕЗ>
Сильные инцептивно-стативные	<С; ВС>	<ЛИМ>
Слабые инцептивно-стативные	<С; ВС, С>	<ЛИМ>
«Глаголы положения»	<П, С; ВС, С>	<ЛИМ>
(Слабые) ингрессивно-непредельные	<П; ВП, П>	<ЛИМ>
Стативные	<С; С>	<ЛИМ>
Непредельные динамические	<П; П>	<ЛИМ>
Мультиплактивно-семельфактивные	<МП; ВС, МП>	<СЕМ>, <ЛИМ>

Как видно из таблицы, значение отмененного результата конструкция с *il*- имеет в сочетании с глаголами, имеющими в Претерите значение Вхождения в состояние, но не описывающими это Состояние в Презенсе. Сущность значения отмененного результата состоит в том, что результирующее состояние, наступившее после достижения ситуацией внутреннего предела, через некоторое время аннулируется; таким образом, наличие внутреннего предела является необходимым условием для реализации этого значения. Характерно, что в тех случаях, когда результирующее состояние представляется необратимым, конструкция с глаголом *il*- затруднена:

- (27) ??ivan vil-se il-č-ě.
Иван умирать-CONV брать-PST-3
Иван умер и опять ожил.

Интересно проследить акциональные свойства самой конструкции со вспомогательным глаголом *il*- . И в том случае, когда она имеет значение лимитатива (28), и в том случае, когда она имеет значение отмененного результата (29), она описывает неко-

торую непредельную ситуацию. Это наглядно демонстрируется тем, что в обоих случаях нормально сочетание с обстоятельством типа ‘две минуты, в течение двух минут’ (28a), (29a) и в обоих случаях недопустимо сочетание с обстоятельством типа ‘за две минуты’ (28b), (29b):

- (28a) ivan ike minut šivärg-sa il-č-ě.
Иван два минута спать-CONV брать-PST-3
Иван поспал [= немного поспал] две минуты.
- (28b) *ivan ike minut xušinče šivärg-sa il-č-ě.
Иван два минута за спать-CONV брать-PST-3
- (29a) ivan ike minut kil-se il-č-ě.
Иван два минута приходить-CONV брать-PST-3
*Иван был здесь [= находился в пришедшем состоянии]
две минуты {т.е. пришел и через две минуты опять ушел}.*
- (26) *ivan ike minut xušinče kil-se il-č-ě.
Иван два минута за приходить-CONV брать-PST-3

Сравнение примеров (28a) и (29a) показывает, что по существу в тех случаях, когда конструкция со вспомогательным глаголом *il*- описывает ситуацию с отмененным результатом, по своему аспектуальному значению она также является «лимитативной»: описывается недлительная непредельная ситуация, ограниченная во времени. Характерно, с другой стороны, что в большинстве случаев (за исключением стативных, непредельных динамических, мультиплактивно-семельфактивных и слабых предельных глаголов с доминирующим процессуальным значением) лимитативное значение соответствует непредельной фазе ситуации, наступившей после достижения естественного предела другой фазой. Это достижение предела описывается Претеритом соответствующего глагола.

Указание на ограниченную во времени результирующую fazу ситуации, как наиболее распространенный случай можно признать центральным, прототипическим значением конструкции со вспомогательным глаголом *il*- . Это прототипическое значение, сочетающееся с определенными акциональными классами, несколько видоизменяется. Во-первых, в тех случаях когда глагольная лексема не содержит в своей акциональной семантике предельного значения Вхождения в состояние или Вхождения в процесс или когда это значение является периферийным, значение ограничения во времени применяется к ситуации, о наступлении которой не сообщается. Во-вторых, при сочетании с акциональным значением мультиплактивного процесса значение ограничения во времени дает вполне естественный прагматический результат: в качестве ограниченного фрагмента мультиплактивного процесса

выбирается его единичный «квант»; за счет этого конструкция со вспомогательным глаголом *il-* приобретает семельфактивное значение.

Заключение

На материале чувашского вспомогательного глагола *il-*, выступающего в качестве аттенуативного аспектуального показателя, мы проследили взаимодействие аспектуальной категории, не относящейся к «существенно виду», с акциональным классом глагола. Существенным результатом можно считать тот факт, что акциональный класс, изначально рассматриваемый как характеристика глагольной лексемы, релевантная для центральной аспектуальной категории «существенно вида», оказывается значимым и для других аспектуальных значений. Значение аспектуального показателя взаимодействует с акциональным классом глагольной лексемы, частично видоизменяясь под его влиянием, но сохраняя при этом свою цельность; можно говорить о прототипическом значении аспектуального показателя, сохраняющемся при сочетании с большей частью акциональных классов, и об одном или нескольких периферийных значениях, возникающих при взаимодействии с прочими акциональными классами.

Кроме того, настоящая работа призвана продемонстрировать, что в определенных (и, возможно, во многих) случаях оказывается весьма продуктивным сам способ описания значения словоизменительной (или продуктивной словообразовательной) категории через описание ее взаимодействия с теми или иными лексическими группами. В частности, общее значение некоторой аспектуальной категории может быть выявлено через зависимость ее частных значений от акциональных классов глагола.

Литература

- Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Ред. О.Н. Селиверстова. М., 1982.
- Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Кулакова И. О конструкциях с глаголом *al-* ‘брать’ в сагайском диалекте хакасского языка // Третья зимняя типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. М., 2002.
- Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Изв. АН. Сер. лит-ры и языка. 1948. Т. 7.4.
- Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке: значение и употребление // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.
- Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии // Вопросы общего языкознания. Л., 1965.
- Маслов Ю.С. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л., 1978.
- Материалы по грамматике современного чувашского языка. Чебоксары, 1957.
- Насилов Д.М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989.

Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.

Плунгян В.А. Вид и типология глагольных систем // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 1 / Ред. М.Ю. Черткова. М., 1997.

Плунгян В.А. Перфектив, комплектив, пунктив: терминология и типология // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.

Плунгян В.А. Антирезульватив: до и после результата. // Исследования по теории грамматики: глагольные категории / Ред. В.А. Плунгян. М., 2001.

Резюков Н.А. Сопоставительная грамматика русского и чувашского языков. Чебоксары, 1959.

Смит К.С. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.

Татевосов С.Г. Теория акциональности и марийский глагол // Лингвистический беспредел. Сб. статей к 70-летию А.И. Кузнецовой / Ред. Т.Б. Агранат, О.А. Казакевич. М., 2002.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.; Л., 1960.

Храковский В.С. Типология семельфактива // Типология вида: проблемы, поиски, решения / Ред. М.Ю. Черткова. М., 1998.

Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965.

Agrell S. Aspektänderung und Aktionsartbildung beim polnischen Zeitworte. Beitrag zum Studium der indogermanischen Präverbien und ihrer Bedeutungsfunktionen // Lunds Universitets Arsskrift, new series. 1908. I, IV, 2.

Bisang W. Verb serialization and conversbs — differences and similarities. // Haspelmath, M., König, E. (eds.). Converbs in cross-linguistic perspective. Berlin; N.Y., 1995.

Comrie B. Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, 1976.

Dahl Ö. Tense and aspect systems. Oxford, 1985.

Durie M. Grammatical structures in verb serialization // Complex predicates / Eds. A. Alsina, J. Bresnan, P. Sells. Stanford, 1997.

Johanson L. Typological notes on aspect and actionality in Kipchak Turkic // Tense-aspect, transitivity and causativity. Essays in honour of Vladimir Nedjalkov / Eds. W. Abraham, L. Kulikov. Amsterdam; Philadelphia, 1999.

Smith C.S. The parameter of aspect. Dordrecht, 1991. 2nd ed. 1997.

Smith C.S. Aspectual categories in Navajo // International Journal of American Linguistics. 1996. 62.

Tatevosov S. The Parameter of Actionality // Linguistic Typology. 2002. Vol. 6. 3.

Vendler Z. Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. 66.

Wood E., Garrett A. The semantics of Yurok Intensive infixation // Workshop on American Indigenous Languages 4. Proceedings. University of California Santa Barbara Papers in Linguistics, 2002.

Yu A.C.L. Pluractionality in Chechen // Natural Language Semantics. 2003. Vol. 11. N 3.

Примечания

¹ В настоящей работе использован материал низового диалекта чувашского языка, собранный в с. Шимкусы летом 2001 г., в рамках лингвистической экспедиции филологического факультета МГУ при поддержке РГНФ (грант № 01-04-18029e). Автор выражает свою глубокую благодарность информантам-переводчикам, работавшим с экспедицией, всем участникам экспедиции и в особенности С.Г. Татевосову, в непосредственном сотрудничестве с которым проводилось

настоящее исследование. За плодотворное обсуждение представленных здесь результатов на конференции «Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие» в 2003 г. хотелось бы поблагодарить Ю.Д. Апресяна, М.Я. Гловинскую и Е.В. Падучеву. Кроме того, большое спасибо О.А. Смирницкой, И.М. Кобозевой, А.Г. Пазельской, Н.М. Стойновой и С.Г. Татевосову, прочитавшим настоящий текст и поспособствовавшим его улучшению. Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 05-06-80258а.

² Перечисляемые нами термины имеют некоторые содержательные различия между собой. В частности, *Aktionsart* / способ действия в традиционном понимании предполагает специализированное морфологическое средство, отражающее релевантные для категории аспекта характеристики лексической семантики глагола (ср., однако, [Маслов, 1965], где подчеркивается, что способ действия — это семантический, а не словообразовательный класс глагольной лексики). Тем не менее все перечисленные нами термины имеют здесь наиболее существенное для нас содержание: речь идет всегда о лексико-семантических классах глаголов, определяющих их аспектуальное поведение.

³ «perfective looks at the situation from outside, without necessarily distinguishing any of the internal structure of the situation; imperfective looks at the situation from inside».

⁴ Точнее, в обоих случаях рассматривается только «эпизодическое» (т.е. описывающее единичную ситуацию) употребление соответствующей глагольной формы. Хабитуальное значение, засвидетельствованное в языках мира как у имперфективных, так и у перфективных глагольных форм (ср. [Dahl, 1985: 79]), при выделении акциональных классов не учитывается.

⁵ Названия этих пяти акциональных значений в настоящей работе мы пишем с прописной буквы.

⁶ Подразумевается, что началу каждой новой фазы ситуации (будь то состояние или процесс) предшествует «подготовительная» процессуальная фаза, даже в том случае, когда языковые средства для описания этой «подготовительной» фазы отсутствуют и начало нового Состояния или Процесса воспринимается как «мгновенное». Однако даже если не принимать это положение, методологическая корректность использования рассматриваемого набора акциональных значений остается в силе; в этом случае Вхождение в состояние или Вхождение в процесс следует описывать просто как начало нового Состояния или Процесса.

⁷ В настоящей работе мы принимаем введенную в [Comrie, 1976] конвенцию о том, что «ярлыки», используемые для обозначения конкретноязыковых форм, пишутся с заглавной буквы в отличие от названий универсальных частных значений либо типологически устойчивых грамматических категорий. Например, можно говорить о типологически устойчивой категории прогрессива, частным примером которой является Прогрессив английского языка.

⁸ Кроме этих двух форм глагольная система чuvашского языка включает в себя в изъявительном наклонении Футурум, Имперфект, Плюсквамперфект и Перфект. Таким образом, вопрос о том, какую имперфективную форму следует выбрать, не стоит, а из перфективных форм в нейтральном контексте предпочтителен именно Претерит.

⁹ При узком понимании данного термина (ср. [Bisang, 1995]) предполагается тождество грамматической формы употребляющихся в сериализованной конструкции глагольных лексем, как в русск. *Я сижу читаю*.

¹⁰ При гlosсировании примеров используются следующие сокращения: 3 — 3-е лицо, ABL — Аблатив, CONV — деепричастие, DA — совмещенный показатель Аккузатива и Датива, PRES — Презенс, PST — Претерит, SG — ед. число.

¹¹ В используемой нотации в угловых скобках до точки с запятой сокращенно записываются акциональные значения Презенса, а после точки с запятой — Претерита.

¹² Для русского языка в отличие от чuvашского крайне нехарактерно перфективное рассмотрение непредельных акциональных значений. Подавляющее большинство русских глаголов совершенного вида описывают Вхождения в состояния или процессы; исключением являются делимитативные глаголы с приставкой *по-* и пердуративные с приставкой *про-*. По этой причине чuvашский Претерит, если он имеет непредельное значение, мы условно переводим либо глаголами несовершенного вида (как в (5 б)), либо, если это возможно, делимитативными глаголами (как в (8 б)).

¹³ Класс сильных ингрессивно-непредельных глаголов, у которых Претерит допускал бы только значение Вхождения в процесс, в чuvашском языке отсутствует.

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. Сер. 9. Филология. 2006. № 1

Д.П. Ивинский

Ода А.С. Пушкина «Вольность»: источники текста¹

Заглавие данной работы, скорее всего, вызовет у читателей, особенно искушенных, недоумение. В самом деле, к числу неизученных пушкинских текстов оду «Вольность» не отнесешь: о ней писали и историки идей, и компаративисты, и текстологи, и биографы, и специалисты в области исторической поэтики; в споре о датировке стихотворения, растянувшемся на столетие, приняли участие, кажется, все те ученые, чьи труды вошли в золотой фонд пушкиноведения: достаточно назвать имена П.О. Морозова, В.Е. Якушкина, Н.О. Лernerа, М.А. Цявловского, Б.В. Томашевского, Ю.Г. Оксмана. Зачем возвращаться к тому, что, вроде бы, давно и хорошо известно?

Между тем — и это тоже хорошо известно — в пушкиноведении не столь уж редко выясняется, что старые проблемы все так же актуальны, как и когда-то; что некоторые из давно и, как казалось, окончательно отвергнутых решений сохраняют свое значение, а решения вроде бы устоявшиеся и «общепринятые» оказываются иллюзорными, и возникает необходимость оглянуться назад и внимательно оценить сделанное.

Все это в полной мере относится к оде «Вольность», самый текст которой не может считаться окончательно установленным.

Автографов всего три, они не раз описывались и комментировались. Но все же напомним: в нашем распоряжении имеются два автографа из архива братьев Тургеневых и одна просмотренная и поправленная Пушкиным копия из архива П.А. Вяземского.

1. Тург1 (ПД 24): беловой, писано чернилами. Заглавие: «Вольность. Ода». Текст заключительной строфы («И днесъ учитеся, о цари») вписан А.И. Тургеневым² на полях. Под текстом оды — автограф стихотворения «Кн. <ягине> Г<олицын>ой. Посылая ей оду «Вольность»; под этим текстом